

На правах рукописи

ШТЕБА Алексей Андреевич

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИФFUЗНОЙ
ЭМОТИВНОСТИ В РАЗНОЖАНРОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный консультант – *Красавский Николай Алексеевич*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Ильинова Елена Юрьевна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»);

Киселева Лариса Айратовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»);

Мяжкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии (ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Защита состоится 01 июля 2026 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 33.2.007.02 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г. Волгоград, пр-кт им. В.И. Ленина, 27

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»: <http://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 22 апреля 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Гулинов Дмитрий Юрьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Эмоции сопровождают и каузируют любую деятельность человека. Их особенность заключается в том, что сфера эмоциональных переживаний функционирует как внутри, так и за пределами языковой способности. Доказано, что мышление возможно вне языковой реализации [например, Bisiach, 1988; Laplane, 1997; Whorf, 1956]. Аналогично и переживания эмоций может быть выражено языком частично.

Смысловое (в том числе эмоционально-смысловое) содержание знаков кристаллизуется языком, но значимые и существенные смысловые элементы этой «огранки» теряются. Человек стремится приблизиться к гармонии внутренних переживаний/ощущений и их языковой репрезентации, что приводит к появлению новых измерений эмотивности.

Проблема изучения репрезентации эмоций в языке и коммуникации превратилась из спорного объекта исследований в самостоятельное лингвистическое направление, становление которого являет собой последовательный этап развития научного знания. Проблематика эмотивной лингвистики рассматривается не только в парадигме, к примеру, семасиологии, ономасиологии, но и через применение термиоаппарата, методов и методологии психолингвистики, этнопсихолингвистики, социолингвистики, дискурсивной и коммуникативной лингвистики. Данный многоплановый и полинаправленный подход к изучению особенностей актуализации эмоций в языке и коммуникации позволяет объединить в единое целое множественную природу сферы эмоционального, принципиальную неданность организации смысла и диффузность семантики языковых знаков в их коммуникативном преломлении.

Когнитивная сложность любой деятельности человека предполагает ее несводимость к элементарным принципам, вычленение которых может очертить общий контур деятельности без объяснения сущностных свойств. Поэтому эмотивная лингвистика оформляется изначально через понятие категоризации, определение категориальных сущностных свойств эмоций в их языковом воплощении. Такой подход показал, что неопределенная, амбивалентная, множественная природа эмоций способна отразиться в языке только лишь частично. По аналогии с хаосом смысла, фиксация фрагментов которого определяет содержание слова, эмотивная лексика может запечатлеть одну из условных точек потенциального эмоционально-смыслового пространства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнить понятие эмотивности и охарактеризовать такое ее свойство, как диффузность. Диффузная эмотивность вбирает в себя «исключения» из конвенциональной системы эмотивности, постулирует тезис о том, что любая, даже актуализованная эмотивная семантика, по умолчанию множествен-

на и неопределенна. Средством преодоления диффузности является контекст, понимаемый в широком смысле этого термина как среда, в которой функционирует эмотивное слово, поскольку автономная система порождает значение из фона. Предсказуемой становится ситуация, когда в эмотиологии наблюдается «стихийное терминотворчество» для номинации нетипичной (неконвенциональной) эмотивности, а частные исследования такой «ненормативной» с точки зрения языковой конвенции эмотивности становятся более рекуррентными. Однако выбор родового термина, вбирающего в себя подобные «эмотивные отклонения» от нормы, исследователи не осуществляют.

Вслед за яркими западными и отечественными представителями лингвофилософских школ лингвистика исходит из принятия безграничности смысловой составляющей семантики, где содержание являет собой попытку зафиксировать смысл для достижения коммуникативных целей. Пространство диффузности вбирает в себя исключения, которые в действительности представляют собой эталонные свойства знаков. Диффузность является облигаторным свойством эмотивности, что отражается в принципиальной способности слова выражать эмоции, варьировать свой эмоционально-оценочный потенциал, «приглушать» конвенциональную оценку, вытеснять ее и помещать на передний план ситуативную эмотивность, одновременно эксплицировать несколько эмоционально-оценочных векторов.

Усложнение когнитивной деятельности и окружающей действительности приводит к укрупнению эмотивов, а также созданию новых форм экспликации эмоций, становящихся более или менее популярными, коммуникативно значимыми и достаточными. Перечень частных способов репрезентации диффузной эмотивности не исчерпывается представленными в настоящем исследовании разновидностями, в частности, имплицитной диффузной эмотивности.

Степень разработанности проблемы. Совмещение концепции нечетких множеств (Л. Заде) с широкой проблематикой аппроксимации текста (С.В. Ионова), внутри которой любой текст всегда вторичен относительно «текста» актуального чувственного восприятия, приближается к экспликации актуального восприятия субъектом окружающей действительности, комбинируется с лингвофилософскими концепциями (Г.И. Богин, Э. Гуссерль, З.Я. Карманова, М.К. Мамардашвили, Е.Ю. Ильинова, А.А. Потенция, Л.Н. Синельникова, Г.Г. Шпет), постулирующими речь как акт выражения невыразимого.

Общая тенденция социо-гуманитарных наук к антропоцентризму приводит к тому, что сущностные психологические особенности человека начинают исследоваться в аспекте их языкового преломления. Эмотивная лингвистика (В.И. Шаховский), фокусирующая основное внимание на ана-

лизе характеристик вербальной объективации эмоций, становится полноценным и равноправным направлением лингвистических исследований. Помимо таких предметов изучения внутри эмотиологии, как соотношение понятий эмоциональность и экспрессивность (Л.Г. Бабенко, Н.О. Линке, Н.А. Лукьянова, Ю.П. Нечай, М.А. Олейник, В.Н. Телия), коннотативный аспект семантики (И.В. Арнольд, В.И. Говердовский), особенности оценочной семантики (Е.М. Вольф, Г.Н. Складаревская), содержательные границы имен эмоций (В.Ю. Апресян, А. Вежицкая, В.Н. Гридин), эмотивная лингвистика создает собственные метаязык и методы (Л.Г. Бабенко, Я.А. Волкова, С.В. Ионова, Н.А. Красавский, Е.Ю. Мягкова, В.И. Шаховский), постулирует фундаментальные теоретические тезисы, имеющие универсальный характер (В.И. Шаховский), применяет свой терминологический аппарат в разнообразных дискурсах и коммуникативных практиках (З.З. Исхакова, Е.Ю. Кислякова, Т.Г. Ренц, С.С. Тахтарова, Т.И. Толкачева), выходит за пределы собственно лингвистических исследований в пространство межпарадигмальности (П.С. Волкова, Е.Ю. Ильинова, А.В. Пузырев, А.А. Романов, Е.Н. Сердобинцева, А.П. Сквородников).

Эмотивность рассматривается как семантическая категория, к которой должны быть применимы сущностные особенности семантики. Одним из таких имманентных свойств семантики выступает диффузность, предполагающая множественность и неопределенность смыслового содержания, варьирующегося в зависимости от контекста (Б.Т. Ганеев, Н.В. Зимина, Л.А. Киселева (Калимуллина), И.И. Квасюк, О.М. Лысенко, Н.Д. Матарыкина, Т.А. Трипольская, О.Г. Хабарова, Н.В. Черникова, А.В. Чернов). В парадигме «классической» эмотивной лингвистики подобная диффузность затрагивается, например, через проблему соотношения эмотива-стимула и эмотива-реакции или выделение потенциатива как отдельного вида эмотивов.

Вербализация смешанных эмоций как эксплицитной формы выражения диффузной эмотивности становится объектом изучения и в литературоведческой плоскости (М.А. Варзаева). В теоретическом языкознании встречаются исследования, предлагающие рассматривать эмотивы внутри эмотивных комплексов (М.Б. Мркаич). Проблема диффузности семантики (в том числе эмотивной) затрагивается в исследованиях дискурса невыразимого (М.Ю. Михайлова, А.В. Нагорная, Н.Н. Немич, Г.С. Сырица), а диминутивные эмоции в их вербализации упоминаются в социолингвистических работах (М.Н. Эпштейн).

Объектом исследования выступает языковое отражение эмоций в его коммуникативной реализации.

Предметом изучения является разножанровое воплощение эксплицитной (выраженной) и имплицитной (невыраженной) эмотивной диффузности.

В основу выполненного исследования положена следующая **гипотеза**: усложнение чувственного восприятия действительности приводит к укрупнению языковых средств категоризации эмоций, которые пребывают в постоянном действенном и созидательном «конflikте» с языковой нормой.

Парадоксальность диффузной эмотивности состоит в том, что диффузные эмотивы являются сравнительно более точными, чем конвенциональные способы номинации и экспликации эмоций. Такая точность объясняется аппроксимативным характером диффузной эмотивности, поскольку отсутствие закреплённой (четкой) и итеративной формы выражения предполагает свободу функционирования и не имеет прескриптивного ограничивающего давления на субъекта в выборе способа объективации своего эмоционального переживания, т.е. это свобода, обусловленная отсутствием нормативного предписания.

Систематизация способов репрезентации и особенностей функционирования диффузной эмотивности, а именно экстерииоризованных и интериоризованных языковых единиц коммуникативного пространства диффузной эмотивности, имплицитной и эксплицитной форм выражения диффузной эмотивности, когда доступ к сущностным особенностям диффузной эмотивности осуществляется через анализ формы выражения эмотивной семантики, составляет **цель** настоящего исследования. Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1. Уточнить актуальный статус эмотивной лингвистики в ряду смежных направлений гуманитарных исследований в целом и филологии в частности;
2. Охарактеризовать диффузность как имманентное свойство эмотивности, уточнив её соотношение с категориями нечеткости, неопределённости и амбивалентности;
3. Обосновать интерпретацию семантического варьирования эмотивных значений как следствия энергичности семантики;
4. Выявить категориальные признаки диффузной эмотивности;
5. Установить специфику коммуникативной репрезентации эксплицитной и имплицитной диффузной эмотивности;
6. Определить жанровую специфику репрезентации диффузной эмотивности в художественной, повседневной и интернет-коммуникации;
7. Проанализировать семантические, коммуникативные и дискурсивные особенности функционирования диффузной эмотивности в разножанровой коммуникации.

Материалом исследования служит картотека примеров из художественной коммуникации (в том числе взятых из Национального корпуса русского языка), повседневного общения и интернет-коммуникации. Примеры фиксируют фрагменты ситуаций коммуникативного взаимодействия, в которых актуализируется диффузная эмотивность двух типов: выражен-

ная (включающая словосочетания, содержащие номинацию 'смешанная эмоция' или словосочетания, состоящих из двух и более номинаций эмоций) и невыраженная (например, номинация эмоций, сопровождающаяся атрибутами с неопределенной семантикой), а также контексты, в которых конвенциональный оценочный знак эмотивов меняется или нейтральное слово преобразуется в эмотив; отобранный объем текстового материала примеров составляет более 5000 страниц.

В ходе проведения исследования использовались следующие лингвистические **методы и приемы**:

– компонентный анализ, позволяющий определять ядерные и периферийные семы слов;

– дистрибутивный и контекстуальный анализ, предоставляющие возможность наблюдать за функционированием отдельных слов как на линейном уровне предложения, так и внутри целого текстового произведения, а также учитывать коллокации искомого слова для определения регулярных сочетаемостных связей;

– элементы разговорного анализа, когда высказывание внутри диалогического единства должно быть рассмотрено в комплексе с реактивными и стимульными репликами партнеров по интеракции, а не в отрыве от нее.

Опрос респондентов использовался как прием верификации отдельных формулируемых гипотез исследования.

Количественный аспект исследования обеспечивался приемами статистических подсчетов, направленных на установление частотности и распределения анализируемых лексических единиц. В отдельных случаях использовались данные Google Ngram Viewer для выявления динамики употребления ряда эмотивных единиц в диахроническом аспекте.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют данные таких (не)собственно лингвистических направлений исследования, как феноменология, синергетика (Р. Барт, Г.И. Богин, Н.Н. Болдырев, В.В. Буданов, И.А. Герман, А.Ф. Лосев, З.Я. Карманова, Е.Н. Князева, М.К. Мамардашвили, Г.Г. Москальчук, А.С. Нилогов, Б.Ф. Поршнева, Г. Хакен, С.С. Хоружий, Г.Г. Шпет), эмотивная лингвистика (Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд, С.Б. Берлизон, Л.Ю. Буянова, П.С. Волкова, В.Г. Гак, К.А. Долинин, С.В. Ионова, М.М. Кадар, Г.В. Колшанский, Н.А. Красавский, Н.А. Лукьянова, О.Е. Филимонова, Е.Б. Харисов, В.И. Шаховский), лексическая семантика и семная семасиология (В.Г. Гак, Е.А. Маклакова, М.В. Никитин, А.И. Новиков, И.А. Стернин), психолингвистика (А.А. Залевская, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Е.Ю. Мягкова, В.А. Пищальникова):

– эмоционально-смысловые валентности знаков бесконечны, что обуславливает постоянные преобразования семантики (А.Ф. Лосев);

– энергичная природа рефлексии заключается в том, что мышление следует рассматривать как потенциал смыслообразования и смысломо-

дулирования, который суть основной фактор развития языковой системы (М.К. Мамардашвили, Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий);

– любая деятельность человека корпореальна, опосредована телом и ограничена им; культура и социум представляются дополнительными ограничивающими восприятие человеком действительности факторами (Ф. Варела, У. Матурана);

– семантика личностна, индивидуальна, психологична; смысловое содержание знака выходит за пределы данности и предзаданности словарей в сферу контекстуальной вариативности, где человек как знак взаимодействует с окружающей его средой как семиотическим образованием (А.А. Залевская);

– эмотивность есть имманентное свойство языковой семантики; реализация эмотивности в речи и коммуникации обнаруживает следующие скрытые, но облигаторные свойства эмотивности – дискурсивность, пластичность, гибкость, флукуативность; морфология эмотивности удерживается языком, но не ограничивается его рамками (В.И. Шаховский);

– эмотивность стремится к укрупнению, как и мышление – к когнитивному усложнению; язык пытается опредмечивать это укрупнение через создание новых эмотивов или преобразование уже в нем имеющих (С.В. Ионова, В.И. Шаховский).

Научная новизна исследования объясняется тем, что:

– семантическая категория эмотивности рассматривается в ее коммуникативной реализации;

– диффузность впервые выделяется как облигаторное свойство эмотивности языковых знаков, функционирующих в коммуникации;

– диффузная эмотивность рассматривается как более точный способ выражения эмоций по сравнению с конвенциональной (системной) эмотивностью лексических единиц, когда диффузные эмотивы сближаются с понятием эмоционально-смыслового наполнения слов по параметрам множественности, неопределенности, многомерности, поливалентности, пластичности;

– эмотив интерпретируется как энергичное образование, отражающее понятие сложного мышления, которое не может быть ограничено условными рамками арбитрального языка;

– неопределенность и неданность способов объективации эмоций позволяет наблюдать за особенностями создания и функционирования эмотивной лексики.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории эмотивности и представлений о природе эмотивных языковых единиц:

– уточнена типология эмотивности с выделением двух типов диффузной эмотивности (эксплицитной и имплицитной), что позволяет систематизировать проявления нечеткой и вариативной эмоционально-оценочной семантики в языке;

- представлена типология имен смешанных эмоций, что позволяет упорядочить выраженную диффузную эмотивность;
- обоснована возможность применения принципов тема-рематической организации текста для определения эмоциональной доминанты имен смешанных эмоций;
- предложено рассматривать имплицитную диффузную эмотивность как семантическое пространство, содержательные границы которого не имеют фиксированных ограничений;
- проанализирована жанровая специфика репрезентации диффузной эмотивности в аспекте обязательной симулятивности/имитативности;
- исследование вносит вклад в разработку теории оценки, предлагая интерпретацию нейтральной оценки как потенциально многовекторного семантического образования, способного актуализировать скрытые положительные и отрицательные оценочные смыслы в зависимости от контекста.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов работы в теории и практике вузовского преподавания: при разработке и чтении лекционных курсов по общему языкознанию, психолингвистике, спецкурсов по лексической семантике, семасиологии, лингвистике эмоций. Определенную практическую ценность имеет подход к интерпретации эмотивной семантики как переменной, при котором словарная эмотивность знаков прескриптивна, что значимо для уточнения алгоритмов автоматического эмотивного анализа текстов. Определенную коммуникативную значимость для повседневного общения представляет акцент на определении функциональной релевантности выражения эмоций.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Диффузность – имманентное свойство эмотивности, характеризующее семантику языковых знаков и выражающее семантический потенциал слова к безграничному преобразованию, приращению. Диффузный компонент эмотивности слова обнаруживает принципиальную недостаточность языковой нормы и узуальных коммуникативных способов экспликации эмоциональных переживаний для полного и всестороннего вербального отражения сферы эмоций человека. Экспликация диффузных эмотивов в коммуникации определяет дальнейшее направление кодификации эмоций языком и первична относительно конвенциональных средств обозначения эмоциональных переживаний.

2. Любой знак обладает явным или скрытым амбивалентным потенциалом, что применимо к понятию нейтральной оценки, которая аналогично имеет два оценочных вектора. Способом объективации амбивалентности нуля выступает добавление конвенционально положительно- или

отрицательно-оценочных элементов на данную оценочную шкалу, в сравнении с которыми нейтральная оценка преобразуется либо в отрицательную при сопоставлении с положительным элементом пары, либо в положительную относительно отрицательного элемента.

3. Языковая экспликация смешанной эмоции, под которой понимается линейная симультанная вербализация двух и более номинаций эмоциональных переживаний, является суммативным понятием, где целое больше суммы его частей. Несводимость эмоционально-смысловой специфики имени смешанной эмоции к сумме составляющих его компонентов позволяет выделять в нем эмоциональную доминанту, т.е. основное (ядерное) эмоциональное состояние, через последовательность линейного развертывания экспликанта смешанной эмоции в тексте. Постпозитивная часть словосочетания, номинирующего смешанную эмоцию, по принципу тема-рематического развертывания определяется как ядро, а препозитивная как периферия.

4. При переводе номинаций смешанных эмоций сохраняется оценочная доминанта. Это сопровождается последующим «размыванием» эмоциональной составляющей через варьирование номинаций эмоциональных переживаний в языке перевода. Подобные преобразования, обнаруживаемые при переводе, обусловлены не только семантическим потенциалом языковых знаков к развитию, изменению, уточнению, но и имманентным диффузным характером эмотивности.

5. Диффузная эмотивность менее аппроксимативна по сравнению с конвенциональными средствами экспликации эмоций. «Языковая норма» обозначения эмоциональных переживаний – внешняя навязываемая говорящему форма, которую он привыкает использовать для передачи своих эмоций. Эмотивы, содержание которых нечеткое, неопределенное, вариативное, наделяют экспликацию эмоций большей индивидуальностью и позволяют говорящему приблизиться к репрезентации актуально переживаемой эмоции.

6. Формы экспликации диффузной эмотивности в разножанровой коммуникации указывают на то, что вербализация эмоций человеком может быть либо имитативной, либо симулятивной. В речевых жанрах беседы, разговора, спора в рамках устной коммуникации говорящий прикладывает усилия для того, чтобы приблизиться к передаче актуального эмоционального переживания, а язык дает возможность неинтенционально имитировать эмоции. Жанры драмы и пьесы в рамках художественной коммуникации предполагают продуманную и прагматически ориентированную репрезентацию эмоций. Читающий убеждается в реальности происходящего, т.е. имитация эмоций носит интенциональный характер. Рассмотренные жанры обзора и комментария Интернет-коммуникации обнару-

живают высокую частоту использования речевых приемов манипуляции и актуализацию эмоций для успеха воздействующего на адресата общения, когда диффузный характер эмотивности симулируется, на что указывают неестественность, гиперболизация, избыточность экспликации эмоциональных переживаний.

7. Экспликация партисипативных, симулятивных, редуцированных эмоций внутри коммуникативного пространства диффузной эмотивности позволяет выделить при наличии одного плана выражения двух планов содержания: внешний – для стороннего наблюдателя, адресата и внутренний – как форма отражения говорящим/пишущим собственных эмоциональных переживаний, которые подавляются социальной нормой актуальной среды общения.

8. Художественная коммуникация представляет собой продуктивную среду, с которой взаимодействует автор и безграничные элементы которой он использует для репрезентации своих эмоциональных переживаний. Внешние требования к стилевой, эстетической, экспрессивной составляющим художественной коммуникации направляют усилия автора на поиск новых и нарушающих рамки конвенции форм выражения эмоций. Наблюдение за поэтическими произведениями показало высокую представленность уникальных эмотивных формообразований в жанре поэзии. Внутри прозаических произведений в жанре драмы используются эмоции как ключевые опорные пункты повествования; в современных пьесах эмоции персонажей упрощены, часто смещены на оценочной шкале к кластеру отрицательных.

9. Интернет-коммуникацию характеризует избыточная эмотивизация общения, следствием чего становится деэмоционализация интерактивного взаимодействия. Формы дескрипции эмоций в виртуальном общении упрощены; в жанре комментария значимую роль играют либо искусственные положительные комментарии для привлечения внимания к автору публикации и собственной странице комментатора в социальной сети, либо исключительно отрицательные, направленные на побуждение адресата продолжить деструктивную коммуникацию. В жанре обзора эмоции выполняют фундирующую функцию: выражение эмоций и эмоциональная окраска речи особо значимы для успешной реализации говорящим коммуникативной цели.

Достоверность результатов исследования обеспечивается представительной выборкой научных источников по теме диссертации, а также репрезентативным практическим материалом исследования как из личной картотеки примеров, так и Национального корпуса (устного и письменного) русского языка; корректным определением цели, выбором методов и приемов исследования применительно к поставленным задачам; широким

использованием теоретических данных из смежных с лингвистикой наук; логикой изложения материала, организованного в систему.

Личный вклад соискателя состоит во введении в научный оборот понятия «диффузная эмотивность», аргументировании целесообразности рассматривать диффузность как имманентное свойство эмотивности, создании классификации диффузных эмотивов и анализе их характерных особенностей, описании функциональности линейного развертывания диффузного эмотива для определения его эмоциональной доминанты, выявлении значимой специфицирующей особенности вербализации смешанных эмоций, для которых конвенциональная номинация превращается в дескрипцию, анализе жанровых особенностей репрезентации диффузной эмотивности, рассмотрении диффузной эмотивности сквозь призму намеренной или вынужденной имитативности, выделении аспектов невыраженной оценочности и эмоциональности внутри имплицитной диффузной эмотивности.

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Содержание исследования отражено в 50 публикациях (32 п.л.), в т.ч. 20 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедр романской филологии и языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2020-2026), на международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях (Ростов-на-Дону, 2016; Волгоград, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025; Орел, 2017; Москва, 2017, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026; Ереван, 2018; Краснодар, 2019; Тверь, 2024), в том числе XIII Березинские чтения «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, 2017), «Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония» (Москва, 2018); научно-теоретический онлайн-семинар «Человек в коммуникации: проблемы эмотивной лингвистики», посвященного 50-летию лингвистики эмоций в России и юбилею ее основателя – заслуженного деятеля науки РФ, проф. В.И. Шаховского (Волгоград, 2019); научно-практическая конференция «Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации» (Краснодар, 2019); III Международная научно-практическая конференция «Диалог культур и культура диалога: цифровые коммуникации» (Москва, 2022); Международная научно-практическая конференция, посвящённая 95-летней годовщине со дня рождения А.А. Залевской и Г.И. Богина «Слово и текст: поиски смысла» (Тверь, 2024). По материалам исследования опубликована монография «Коммуникативное пространство диффузной эмотивности» (15,9 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, представлена степень разработанности проблемы, сформулированы объект и предмет исследования, его исходная гипотеза, определены цели и задачи, представлена теоретико-методологическая база и материал исследования, раскрыта теоретическая значимость работы, указана область практического использования полученных результатов, перечислены основные методы, сформулированы научная новизна, положения, выносимые на защиту, а также указаны степень достоверности и апробация результатов.

В **первой главе «Эмотивность в ретроспективном аспекте: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике»** описаны основные тенденции развития эмотивной лингвистики как самостоятельного направления социогуманитарных исследований, а также проанализированы подходы к определению места эмотивной семантики в структуре лексического значения слова. Слово исследуется в аспекте «фантазирующего преобразования его форм» [Шпет, 2006], т.е. в рамках реализации смыслового потенциала, факторов, ограничивающих и обеспечивающих такие семантические изменения. Слова могут быть наделены эмоциональными свойствами и лишены их в языке. Они могут приобретать окказиональную эмотивную маркированность, что обусловлено наличием в семантике любого слова эмоционально-чувственного компонента значения (по Е.Ю. Мягковой).

Эмотивность рассматривается как имманентное свойство семантики, поскольку человек всегда добавляет к своей деятельности «чувственный компонент»; эмотивность – языковое отражение и выражение эмоциональности. Смежное с эмотивностью понятие экспрессивности предложено понимать традиционно как совмещение в семантической структуре слова оценочного, эмоционального и образного компонентов. Бинарная эмотивно-оценочная шкала кажется недостаточной по причине постоянно сопровождающих актуальное функционирование слова в коммуникации приращений и модуляций. Целесообразным в рамках эмотиологического подхода становится использование понятия многомерной структуры, которая может отразить убывание/нарастание качественного или количественного признака применительно к стандарту, эталону (квазистереотипу), а также градацию по соотносению эмоционального отношения реципиента к квазистереотипу, т.е. личностно-прагматическое измерение [Телия, 1986]. Коннотация («оживления речи», «колебание», «момент эстетического», «тень семантики» по В.И. Говердовскому) рассматривается как надстрочный смысл, «окутывающий» денотативную семантику слова», задающий ее эмоциональную тональность [Бабенко, 1989]; это смысловой компонент, узואльно или окказионально входящий в семантику и

выражающий эмотивно-оценочное и стилистически окрашенное отношение субъекта к действительности [Телия, 1986].

Результаты исследования В.И. Шаховского [1969] становятся основой для последующего определения содержания предметного поля эмотивной лингвистики. Например, к таким значимым теоретико-методологическим «прекурсорам» эмотивной лингвистики следует отнести не столько выделение эмотивной семы, сколько положение об эмотивной семе, которая не зависит от индивидуального употребления, остается объективной для всех говорящих; интересна представленная модель анализа дистрибутивных связей внутри трехкомпонентных словосочетаний (прилагательное + прилагательное + существительное) для экспликации эмотивно-субъективной оценки, где положительно-оценочное существительное предполагает сочетание с положительно-оценочным прилагательным и наоборот. При этом значение всегда производно от коммуникативного намерения [Звегинцев, 1965], следовательно, семантика слова сохраняет «эмотивные следы». Изначальное выделение эксплицитной и имплицитной, узуальной и окказиональной, коллективной и индивидуальной эмотивности, а также построение типологии эмотивов с их делением на аффективы и коннотативы становятся недостаточными и редуccionистскими.

Значимость приобретает феноменологический статус слова, которое проявляет/выявляет/заявляет/являет себя в речемыслительной деятельности [Карманова, 2022]: проявление смысла слова, выявление смысловой наполненности, заявление слова о его смысловом потенциале, явление смысла словом. Через объективацию мысли в слове (по А.А. Потемне) происходит расширение субъекта, поскольку личная мысль соединяется с человечеством. Слово отражает предмет в душе человека. Эмоционально-смысловое наполнение максимально вариативно. Считается, что «слова <...> повторяют смысловую неточность» [Ильинова, 2013] представления человека об окружающей действительности. Разного рода смысловые приращения семантики лексических единиц приводят к расширению и уточнению конвенциональной семантической составляющей, которая всегда остается недостаточной для экспликации человеком личностного смысла:

Сам он обычно вкладывал в свои слова больше – а порой меньше, – чем они значили, и ему казалось, что другие тоже слышат не просто фразу, а скрытую за нею мысль. Он воображал, что и другие вкладывают в каждое слово второй, сокровенный смысл, – и редко понимал услышанное так же просто, как оно было сказано (Р. Олдингтон).

Объективация амбивалентной эмотивности в коммуникативной ситуации становится стимулом не только к модуляциям эмотивной семантики нейтральных лексических единиц, что приводит к созданию поливалентных эмотивов, но и к появлению новых образов, нарушающих привычную лексическую сочетаемость, например:

Внутри Маргарет-кочаммы горе и ярость из-за смерти дочери лежали свернутые, как злая пружина (Р. Арундати).

Словосочетание *злая пружина* передает эмотивную неопределенность, где совмещается поли- и/или амбивалентность, а также внутренняя напряженность объективируемого внутреннего слова.

В контексте обсуждаемой проблемы можно обратиться к понятию нейросемы, представляющей самоорганизующуюся, неструктурированную мысленную субстанцию, которая индуцирует мысль [Карманова, 2022]. Нейросема выступает открытой единицей сознания, что обуславливает пластичность смысловой сферы слова. Семы 'эмоция' и 'оценка' входят в семантику любого слово в форме коннотативного макрокомпонента семантики [Маклакова, Стернин, 2013]. В приводимом далее примере словарно нейтральное слово *лебеда* становится амбивалентным: оно оценивается положительно в контексте утоления голода и отрицательно – в ситуациях описания непригодной для употребления лебеды:

Знала ли лебеда сама, что больше не служит нам, утоляя голод, а служит Ангелу голода (Г. Мюллер).

Степень эксплицитности эмотивной составляющей в семантике обладает сравнительно большей или меньшей выраженностью. Но наведение эмотивной семантики на конвенционально нейтральное слово должно сопровождаться обязательным условием наличия эмотивного потенциала, который актуализирует либо узуальную, либо окказиональную эмотивность, а само слово гармонично реализует эмотивный потенциал как средство осуществления говорящим своего коммуникативного намерения.

Во второй главе «Диффузность как имманентная характеристика эмотивности» рассматривается содержание и проблематика понятия «диффузная эмотивность». Категориальные особенности семантической диффузии применяются для характеристики сущностных свойств эмотивности, поскольку язык – это нелинейная структура, а множественность интерпретации и содержательная неопределенность проявляются на уровне семантики. Диффузная семантика отождествляется с такими явлениями и процессами, при которых вещественное значение слова уступает место оценочному, денотат остается неопределенным, обнаруживается референтная неопределенность и контекстуальная вариативность, наблюдаются коммуникативная разноплановость и зависимость от контекста, конкретная сема вытесняется, на первый план выходят латентные значения слов.

Теоретико-методологической опорой для выделения диффузности как особого свойства эмотивной семантики выбрана теория нечетких множеств (*fuzzy sets*) Л. Заде [1976], позволившая выйти за пределы бинарных логических оппозиций. Для нечетких множеств применимо понятие лингвистической переменной, которая (переменная) изначально ориентирована на попытку аппроксимативного описания количественно не измеряе-

мых явлений. Лингвистическая переменная *возраст*, например, принимает следующие лингвистические значения: *молодой, не молодой, вполне молодой, старый* и пр. Набор языковых значений для переменной остается диффузным (нечетким). Для данного набора можно задать крайние полюсы (термы), но включение в него качественных прилагательных и наречий, дополняемых соединительными и противительными союзами (*и не молодой, и не старый*), переводит линейную организацию множества (шкала с полюсами) в нелинейную структуру.

В контексте проблемы диффузной семантики границы категорий являются условными и неопределенными, поэтому категории открыты. Метод семантического дифференциала [Osgood, 1957] близок к концепции нечетких множеств. Данный метод, призванный качественно и количественно индексировать значение, позволяет построить семантическое пространство, координатами которого становятся градуированные оценочные шкалы. Возможен учет не только конвенционального, но и субъективного смыслового наполнения объекта, поскольку в нечетких множествах нет входа или выхода, это элементарные частицы, объединенные в кольцевой массив. По мнению Л.А. Калимуллиной, семантическая диффузность представляет собой важнейшее свойство эмотивных единиц [Калимуллина, 2006]. Эмотивность, сущностной чертой которой предложено считать диффузность, имеет не одну, а множество точек потенциального баланса.

Конвенция включает довольно ограниченный инвентарь средств для выражения эмоций, а любой способ их описания/выражения есть лишь аппроксимация эмоционального, непременно сопровождающаяся упрощением. На возможность наличия у слова безграничного эмоционально-смыслового потенциала, например, опосредованно указывалось в трудах Г. Гийома, предложившего использовать понятие «молчаливого мышления», Э. Гуссерля – понятие «нейтрального сознания» или М.К. Мамардашвили, охарактеризовавшего предметные границы понятия «неслучившегося сознания». В ходе речетворческой деятельности происходит взаимодействие представляемого (слово как потенция) и воображаемого (речь) [Карманова, 2010]. Таким образом, любое слово суть потенция, которая получает смысловую реализацию только в речи.

В романе Р. Олдингтона «Смерть героя» находим следующий пример:

И потом, у них была «ах, любовь»! Они «ах, любили» друг друга. Любовь – это главное, она возместит всю глупость невежества, она будет кормить и поить их, усеет их путь розами и фиалками. Ах-любовь и бог. Потерпит неудачу любовь – останется бог, не преуспеет бог – останется ах-любовь. <...> Разве не вышла она счастливо замуж за человека, который ее ах-полюбил, – ах, брак по любви! – да еще за богача?» (Р. Олдингтон).

Представленный пример демонстрирует специфику эмоционально-смысловой составляющей слова, когда план выражения подвергается не-

значительным изменениям, но на уровне содержания номинация эмоции (в данном случае *любовь*) претерпевает модуляции. Данное нечеткое эмоциональное состояние размывает эмотивные и интерпретативные границы слова: а) положительное эмоциональное переживание становится отрицательным или наоборот; б) положительное эмоциональное переживание становится более/менее интенсивным по сравнению с эталоном. Междометие *ах* используется для выражения кластера амбивалентных эмоций (*ах – выражает испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление, возмущение; восклицание, сожаление, печаль, радость, горе, испуг* [БТС, 2006]). Эмоционально-смысловые рамки положительно-оценочной доминанты в форме любви становятся нечеткими по причине совмещения любви одновременно с положительно-оценочными (*восхищение, радость*) и отрицательно-оценочными (*испуг, сожаление, возмущение, горе, печаль*) эмоциональными переживаниями.

Актуализация скрытых рефлексивных векторов слова приводит к разного рода модуляциям смысловой и эмоциональной составляющих лексической единицы. Оценочные вариации семантики могут быть следующих видов: преобразование отрицательной составляющей в положительную, положительной – в отрицательную, эмоционализация нейтральной оценки, интенсификация или деинтенсификация оценочного знака:

Как мне хотелось услышать голос Генриэтты! Пусть бы она сказала хоть что-нибудь: «ничего» или даже «дерьмо». В ее устах это слово не прозвучало бы грубо, ничуть. Раньше стоило только Шницлеру завести речь о «мистическом трансе», в который она впадает, как Генриэтта сразу же выпаливала: «дерьмо», и это слово было такое же милое, как слово «дерево» (Г. Белль).

В данном примере конвенционально отрицательно-оценочное слово окрашивается положительно, поскольку говорящий включает его в контекст своего предшествующего опыта. Данное слово становится своеобразным кодом доступа к идентификации с собеседником, показателем глубины понимания Другого. По Г.И. Богину [2001], процесс появления смысла (его объективации и опредмечивания в форме словоупотреблений) проходит несколько этапов: 1) преобразование содержания в определенной модальности; 2) преобразование содержания в ситуации; 3) рефлексивные акты, непременно сопровождающие данные преобразования; 4) интендирование как процесс растяжения, напряжения семантики слова в результате рефлексивной деятельности; 5) преобразование минимальных единиц смысла (ноэм) в семы при условии получения одобрения от языкового сообщества. Например, слово *нелюбовь* концентрирует в себе множественный потенциал рефлексивных векторов и опредмечивает создание диффузного эмотива через утверждение любви, отрицание любви (*не любовь*) и утверждение нового эмоционального переживания (*нелюбовь*) с нечетким

эмоционально-оценочным контуром. Анализ примеров из Национального корпуса русского языка показывает, что слово *нелюбовь* употребляется для обозначения недовольства (*Или, ближе к нашей теме, спросим: откуда такие претензии к Чехову, такая нелюбовь?* / А. Кушнер), отвращения (*С чего началась его нелюбовь к людям, трудно сказать* / А. Слаповский), неприязни (*Зная его агрессивную нелюбовь к посещениям магазинов, Ольга поступила просто* / Д. Донцова), отсутствия симпатии (*Вот такая рокировка: он ко мне – я от него. Любовь – нелюбовь. – Варенька!* / В. Сеницына); она отличается по степени интенсивности, варьируясь от легкой (*Во-первых, нелюбовь к Москве должна быть «легкой»* / И. Белозерцева) до горячей (*Так что поначалу было не ясно, чем была вызвана столь горячая его нелюбовь ко мне* / Н. Воронель), злобной (*Только злобную нелюбовь к враждебному племени жизнь из него выкорчёвывала иначе, куда более жестоко...* / М. Семенова).

Эмоции недискретны, изменчивы: язык аппроксимативно выражает эмоциональные переживания при условии, что за пределами получившегося средства языковой экспликации эмоций остаются значимые для эмоционального переживания компоненты, поскольку «язык огрубляет эмоции человека» [Шаховский, 2009]. Лингвокультурологический аспект мотивности показывает, что разные языки по-особенному категоризируют сферу эмоционального. В японском языке есть понятие «*amae*», которое означает ‘удовольствие от зависимости от кого-то, потребность быть зависимым потокающим человеку’ (к примеру, супруги должны испытывать это чувство, так называемую положительную зависимость); «*suneri*» – ‘быть откровенно потокающим’; «*hinekureru*» – ‘поведение, где человек имитирует безразличие, но чувствует «*amae*»’; «*urami*» – ‘враждебность в случае, если «*amae*» отвергается другим’. В эскимосском языке есть слово «*unga*», означающее ‘желание находиться в присутствии любимого человека’, а также «*naklik*» – ‘желание защищать человека, находящегося в опасности, накормить голодного, согреть замерзающего’. У эскимосов нет номинации эмоции гнева [Tchekassof, 2009].

Кластерность позволяет обнаружить естественную неопределенность и диффузность эмотивной семантики. В русском языке для категоризации эмоциональных концептов частотно используются оценочные предикаты, которые могут считаться первым этапом на пути усложнения эмоционально-смыслового содержания вербализованных эмоций [Красавский, 2001]. Анализ примеров Национального корпуса русского языка показал, что базовые эмоции наиболее частотно конкретизируются следующими предикатами:

РАДОСТЬ – огромная, нарастращенная, тихая, искренняя, особенная, большая, несказанная, неизмеримая, постоянная, жгучая, ликующая, особая, страшноватая, великая, плохая, нечаянная, спокойная, громадная, чистая, неистощимая, высшая, небольшая, надменная, бурная;

ГРУСТЬ – печальная, светлая, щемящая, постоянная, душевная, непонятная, ужасная, глубокая, покорная, невесомая, сладкая, напрасная, спокойная, небольшая, чудесная, неуловимая, удивительная, скрытая, великая, одинокая, мимолетная, горькая, тонкая;

СТРАХ – панический, внезапный, мучительный, безотчетный, дикий, отчетливый, жуткий, великий, подлый, животный, жалкий, ужасный, тайный, большой, неясный, неодолимый, постыдный.

Данные оценочные предикаты выполняют функцию конкретизаторов эмотивной семантики имен эмоциональных концептов: у слов, традиционно считающихся неэмотивными, открывается эмотивная валентность. Последнее может осуществляться как на внутреннем (например, актуализация в семантике нейтрального слова эмотивного компонента), так и на внешнем уровнях (в данном случае использование оценочных предикатов), что приводит либо к усилению, либо к замене эмоционально-смысловой составляющей слова.

Диффузная эмотивность характерна и для отсутствия оценки.

– Ты же знаешь, какие это золотые ребята! – восклицает Жоан де Адан. – А уж о Педро и говорить нечего! Он – настоящий товарищ.

Товарищ... Товарищ... Педро кажется, что нет на свете слова прекрасней (Ж. Амаду).

По мнению Ю.С. Степанова, нейтральная оценка должна рассматриваться не как безразличная к оценке, а ингерентно амбивалентная сущность, которая служит для обнаружения эмоционально-оценочной составляющей стилистически окрашенных слов, а также вбирает в себя оба полюса оценки. Дихотомия «стилистически окрашенное слово – нейтральное слово» условна, поскольку нейтральные слова не только создают норму для восприятия отклонения на ее (нормы) фоне [Степанов, 2002]. Норма определяется как повторяемая случайность, где конвенциональность суть неоднократно воспроизводимый аспект/компонент содержания. Нейтральная оценка, являющаяся условно «равнодушной» к оценочному знаку, содержит в себе амбивалентный оценочный потенциал. Ноль на шкале оценки от отрицательной к положительной может восприниматься как характеристика со знаком «+» или «-» в зависимости от контекста.

Третья глава «Эксплицитная диффузная эмотивность» посвящена особенностям вербальной репрезентации смешанных эмоций. Данный феномен не становился предметом самостоятельного языковедческого изучения, а лишь затрагивался, например, в работе О.Е. Филимоновой [2007] в контексте рассмотрения понятия «сложный эмотивный концепт», где анализировались смешанные, амбивалентные и сложные чувства; Л.А. Калимуллина подчеркивает, что эмотивность имеет тенденцию к нечеткости, размытости внешних и внутренних границ [Калимуллина, 2006]; в исследовании С.В. Ионовой показано, что синтетический способ

объективации эмоций принимает форму «укрупнения эмотива» [Ионова, 2023]; в совместной работе М.А. Вахрушевой и С.В. Ионовой используется понятие осложненных эмоций [Вахрушева, Ионова 2021], которые не сводимы к одному конкретному эмоциональному переживанию/состоянию; В.Н. Карловская [2009] указывает на полярные (противоположные) эмоции, в ситуациях переживания которых в одном эмотивном микротексте совмещаются и противопоставляются положительные и отрицательные эмоции. В западной традиции [Francis, Hong, et all., 2021] разграничивают смешанные и блендированные эмоции или эмоциональные бленды [Bharaj, Jeon, 2020]. Смешанные эмоции (*mixed emotions*) соотносятся с со-переживанием разнооценочных эмоциональных состояний, а эмоциональные бленды (*emotion blends or blended emotions*) отсылают к более общей категории, куда входит синхронное переживание как амби-, так и монооценочных эмоциональных состояний (возбуждение и гордость, счастье и возбуждение). Отдельное внимание авторы [Johnson-Laird, Oatley, 1989] обращают на сложные эмоции (*complex emotions*), которые играют роль дополнительных эмоциональных реакций на эмоциональные переживания; смешанные эмоции [Larsen, Coles, Jordan, 2017] определяются как синхронно или почти синхронно переживаемые относительно короткие положительные и отрицательные эмоциональные состояния.

Имена смешанных эмоций – соединение в целое разнооценочных переживаний в форме контрарных понятий, т.е. амбивалентных (*любовь и ненависть, радость и печаль* и под.), разнооценочных, но не контрарных, т.е. поливалентных или полиоценочных (*любовь и грусть*), однооценочных, но отличающихся интенсивностью номинаций эмоций, т.е. моновалентных или монооценочных (*горе и ярость*). Структурная особенность имен смешанных эмоций состоит в том, что традиционный статус номинации для экспрессивных эмоциональных высказываний превращается в дескрипцию внутри имени смешанной эмоции, поскольку указание на конкретные эмоции описывает содержание понятия:

И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, лицо его выражало и испуг, и радость (Ж. Амаду).

Обо всем этом вспоминал Тертулиано Максимо Афонсо, в душе которого боролись восхищение, неприязнь и опасная нежность (Ж. Сарамого).

Еще совсем недавно, по ту сторону страха и отчаяния, они были тверды как скала, и это давало тупую силу их упорству (Э.М. Ремарк).

Я не имею в виду память об отце. Я имею в виду все остальное – страх, безнадежность, ненависть (Э.М. Ремарк).

Кластеры смешанных эмоций, включающие номинации положительно-оценочных эмоций, характеризуются сравнительно большей амбивалентностью (к примеру, смешанная эмоция радости: ‘радость + ужас, печаль, горечь, грусть; смешанная эмоция удивления: ‘удивление + отчаяние, от-

вращение, насмешка'). Смешанным эмоциям с номинациями отрицательно-оценочных эмоций свойственна интенсификация превалирующей оценки (к примеру, смешанная эмоция страха: 'страх + отчаяние, гнев, ненависть, зависть, презрение, злость'; смешанная эмоция гнева: 'гнев + огорчение, страх, ужас, отчаяние, грусть'). Выявленные примеры амбигу и моновалентных смешанных эмоций подтверждают известную асимметрию языка в экспликации положительных и отрицательных оценок, когда лексика отрицательной оценки более разнообразна и богата, чем лексика положительной оценки. Данная асимметрия проявляется и в случаях актуализации смешанных эмоций с положительным центром, моно- или поликластеры которых преимущественно отрицательно-оценочные. Аналогичная ситуация прослеживается с кластером смешанных эмоций любви ('любовь + гнев, грусть, отчаяние, ревность, нетерпение, огорчение, ненависть' VS 'любовь + восхищение, доверие, признательность') и ненависти ('ненависть + раздражение, страх, зависть, злость, ревность' VS ненависть + 'любовь, восхищение').

Например, эмоциональное состояние страха и производных от него, отличающихся более высокой степенью интенсивности, индуцирует смешанные эмоции, т.е. активные эмоциональные переживания провоцируют «смешение чувств»:

Страх (испуг, ужас) + восторг, брезгливость, нахальство, восхищение, любопытство, удовлетворение.

У Достоевского был (возник вдруг) мистический страх, смешанный с радостью художника: скажу – и будет, и сбудется! (Ю.Ф. Карякин).

Страх, смешанный с гадливостью и ненавистью (А.А. Тарковский).

Именно этот страх, смешанный с яростью, заставит его минутой позже произнести (С.А. Дангулов).

В черных глазах его виделся страх, смешанный с болью и отчаянием, тонкая верхняя губа вытянулась вперед (С.М. Голицын).

В глазах суеверный страх, смешанный с радостью: они уже зрители, а не объект (Р. Кармен).

Тогда ею постепенно стал овладевать страх, физический страх, смешанный с любопытством и дерзостью человека, испытывающего свою судьбу (Ю. Слёзкин).

Понятно, почему я вместе со всеми испытывал пред этим воображаемым «облачком» какой-то необъяснимый страх, смешанный с таким же необъяснимым уважением и изумлением (Н.Н. Златовратский).

Отрицательно-оценочные эмоции частотно вызывают смежные эмоциональные переживания:

На душе стало черно, внутри ворочалась горькая обида, смешанная с невероятным удивлением (Д. Донцова).

В глазах его было даже не презрение, а какая-то брезгливая жалость, смешанная с откровенным удивлением (А. Городницкий).

Анализ собранной картотеки примеров показывает, что кластеры смешанных эмоций с номинациями положительно-оценочных эмоций в препозиции характеризуются сравнительно большей амбивалентностью (к примеру, 'радость + ужас, печаль, горечь, грусть'; 'удивление + отчаяние, отвращение, насмешка'). Смешанным эмоциям с отрицательно-оценочной препозицией свойственна интенсификация превалирующей оценки ('страх + + отчаяние, гнев, ненависть, зависть, презрение, злость'; 'гнев + огорчение, страх, ужас, отчаяние, грусть'). Форма выражения смешанной эмоции отражает прагматическую характеристику данного эмоционального переживания, когда эмоциональную доминанту задает второй элемент (постпозиция) смешанной эмоции, а первый элемент представляет собой когнитивно воспринимаемый, а значит, непосредственно не переживаемый эмоциональный фон. Согласно принципу Поллианны [Boucher, Osgood, 1969], отрицательно-оценочные высказывания воспринимаются как более сильные, экспрессивные, воздействующие, чем положительные. Этот принцип заключается в том, что человек на подсознательном уровне активнее реагирует на положительные события, однако на сознательном уровне – акцентирует внимание преимущественно на негативных событиях (вероятно, по причине интуитивной связи отрицательно-оценочных ситуаций со страхом, незащищенностью, опасностью). Линейно постпозитивная часть смешанной эмоции либо амбивалентна (со знаком 'минус'), либо интенсивнее препозитивной (например, любовь и ненависть, радость и грусть, страх и ужас). На подсознательном уровне человек стремится к позитивизации, окружению себя положительно-оценочными событиями, но на сознательном – фокусируется на негативных событиях, поскольку подобная тенденция позволит либо лучше к ним подготовиться, либо избежать их и остаться в комфортном пространстве положительного.

При переводе имен смешанных эмоций наблюдается процесс сохранения доминанты, но и размывания содержательных границ эксплицируемого эмоционального переживания. В романе К. Исигуро «Погребенный великан» смешанная эмоция ободрения (утешения), возбуждения и страха (*Axl had felt, almost tangibly, the peculiar mix of comfort, excitement and fear such a movement could bring*) переведена на русский через смешанную эмоцию спокойствия, возбуждения и страха (*Аксель почти физически ощутил особую смесь спокойствия, возбуждения и страха, которую могло вызвать такое движение*). В романе А. Моравиа «Презрение» смешанная эмоция любви, восхищения, благодарности и влюбленности (*Allora, guardando quel viso, mi colpì l'espressione degli occhi: amorosa, struggente mescolata di ammirazione soggetta, di gratitudine senza riserve, di invaghimento fisico e di una quasi*) переведена через смешанную эмоцию восхищения, признательности, влечения и робости (*Я взглянул на нее, и меня поразило выражение ее лица: в глазах светилась самозабвенная любовь, к которой при-*

мешивалось безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение и почти меланхолическая робость). Каждая номинация эмоциональных переживаний внутри смешанной эмоции получает дополнительную качественную характеристику (*безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение, меланхолическая робость*). Подобные преобразования компонентов имен смешанных эмоций обусловлены внутренним потенциалом семантики к преобразованию ввиду наличия имманентной диффузности.

Вербализацию смешанных эмоций в аспекте лингвоэкологии можно рассматривать внутри репликовых ходов, где, например, стимульная реплика эксплицирует одно эмоциональное переживание, а реактивная реплика – другое. В итоге, в тексте эксплицируется сложное эмоциональное переживание. Рассмотрим следующий пример:

Когда она огорошила меня этой новостью, я повел ее в ближайшее кафе, где мы могли посидеть. В кафе были высокие потолки, беспощадный свет и адский шум.

– Почему ты так поступила? – спросил я.

– Потому что я люблю тебя, – сказала она.

– Как ты можешь любить меня?

– Я всегда любила тебя, с самого детства, – сказала она.

Я обхватил голову руками.

– Это ужасно.

– Я... я думала, что это прекрасно.

– Что же дальше? – сказал я.

– Разве это не может продолжаться?

– О, господи, как все запутано, – сказал я,

– Выходит, я нашла слова, способные убить любовь, – сказала она, – любовь, которую убить невозможно?

– Не знаю, – сказал я. Я покачал головой. – Какое странное преступление я совершил (К. Воннегут).

В данном фрагменте актуализируется номинация смешанной эмоции, включающей любовь и ужас: активное отрицательно-оценочное эмоциональное переживание состоит в реакции на положительный стимул. Интенсивность ужаса снижается вследствие его сочетания с любовью, номинация которой выражает своеобразный пик условной шкалы эмоционального отношения. Коммуникативно конструктивный потенциал экспликации смешанных эмоций заключается в том, что, с одной стороны, говорящий выражает свое эмоциональное переживание/отношение, а с другой – выбирает такую нечеткую форму, которая указывала бы на состояние растерянности, фрустрации, тем самым побуждая собеседника к совместным (совмещенным, смешанным) действиям.

В четвертой главе «Имплицитная диффузная эмотивность» осуществлен анализ вербальной репрезентации нескольких эмоциональных феноменов, а именно симулируемых, партисипативных, неэксплицируемых, редуцированных эмоций, а также рассмотрены особенности экспликации неочечных эмоций на примере вербальной репрезентации удивления.

Характерные черты коммуникативной репрезентации партисипативных (совместных) эмоций показывают, что составляющие *сопереживания* (рациональная и эмоциональная), которые выражаются в двух подходах, выделяющих когнитивное и аффективное сопереживание, обусловлены тем, что изначально данное состояние вызывается сознательно некоторым социальным мотивом, а затем субъект сопереживания может индуцировать в себе эмоциональное переживание [Decety, 2005]. Наблюдается сочетание сострадания с иными номинациями эмоциональных переживаний: восхищение (*Если и был в этом какой-то элемент жертвенности, то он остался во мне навсегда – чтобы полюбить, во мне должны родиться сострадание и восхищение* / З. Синявская), любовь (*Это не любовь, это сострадание* / М. Жванецкий), интерес (*На лицах не сострадание, а простое любопытство* / А.А. Уткин), гнев (*Истории, шокирующие нас, вызывающие гнев и сострадание, происходят постоянно* / *Прошло пять лет...* // «Русский репортер», №3 (181)), жалость (*Сострадание и жалость мешают собранности* / В. Валеева), равнодушие (*Повсюду я вызывал сострадание, смешанное с равнодушием* / В. Песков, Б. Стрельников), грусть (*По широкому лицу Тингсмастера прошли грусть и сострадание* / М.С. Шагинян).

В ряду смежных понятий сострадание занимает центральную позицию. Сопричастность рациональна и формальна (*Мне радостно осознавать свою причастность с его судьбой еще и потому, что продолжением моих дел и забот здесь уже давно и прочно стали дела и заботы моих детей, потому что здесь они росли, получали образование, обзаводились собственными семьями, здесь родились и подрастают мои внуки* / В. Гольцев). Сочувствие стимулируется неблагоприятным состоянием или событием, с которым сталкивается человек, синонимизируется с сожалением и состраданием [Кузнецова, 2010]. Сочувствие амбивалентно (может быть и положительным, и отрицательным), вбирает в себя сопереживание, в котором переживание предполагает испытание отрицательной эмоции; также сочувствие конкретизируется номинациями эмоциональных состояний с конвенциональным оценочным знаком (*Пьер понял, что князь Андрей хотел говорить о Наташе, и широкое лицо его выразило сожаление и сочувствие* / Л.Н. Толстой). Сорадование как форма содействия чужой радости относится к сфере речевой эмпатии. Сорадование соответствует условному положительному полюсу шкалы с центром сочувствия (*И собственная мука и сострадание, и братски любовное сорадование чужой ра-*

дости – да облегчат путь его душе на той дороге, куда открыл его врата смертный час / В.Г. Малахиева-Мирович).

Языковая категоризация эмоций может инициироваться неопределенными «речевыми формулами» («что за чувства», «какие-то чувства», «какие-то эмоции»):

Люди, бредущие по тропкам меж сугробов, что за чувства владеют вами? (Ю. Гумен).

Вопрос, что ты будешь делать теперь, когда узнал, что я жив. Хоть какие-то эмоции тебя обуревают? – Морду я хочу тебе набить, вот что, – ответил Игорь. (А.Б. Сальников).

Мать перечитывала их снова и снова. Всё пыталась отыскать какие-то чувства. Я-то знал, что это бесполезно... (С. Довлатов).

В нем клокотали какие-то чувства протеста к своим партнерам, к помещению, в котором он работал (А. Эфрос).

Ряд эмоциональных переживаний не имеет систематизированной и воспроизводимой формы обозначения. Данные экспликации эмоций объединяются гиперонимом 'невыразимые' в подклассы (*приятные, неприятные, любовные, необычные, запутанные, сложные, непонятные, странные эмоции/чувства*):

Кольцо с лукавым бриллиантом, купленное некогда для Ирочки с большой скидкой и потому до сих пор вызывающее приятные чувства, Женечка пока что оставил дома (О.А. Славникова).

Когда я мчу по трассе, эти венки и кресты порой меня очень сильно пугают, отвлекают от дороги. Сразу какие-то неприятные чувства возникают. Возможно, будет лучше, если дорожные мемориалы канут в Лету (М. Клапатнюк).

Неопределенные эмоциональные переживания образуют производные от базовых эмоций кластеры, которые стимулируют развитие иного вида диффузных эмотивов (*печальные, отвратительные, яростные, радостные, грустные* и пр.) без эксплицитно обозначенного ядра или доминанты, но с известным кластером (ср.: *грусть* и *грустные чувства; радость* и *радостные чувства*):

Но каждый раз, когда вижу я длинную тощую фигуру с головой, чуть склоненной набок, в глубокой задумчивости, – разом оживают во мне веселые и печальные чувства двадцатых годов (Е.Л. Шварц).

Невыразимость означает не отсутствие выражения, а неспособность всех выражений выразить вещь-причину, ощущение иррациональности в экспликации возбудителя [Валери, 1976]. Присоединение к номинациям эмоций определения 'невыразимый' объективирует интуитивно воспринимаемую носителями языка безграничность и неопределенность эмоциональных переживаний, неадекватность имеющихся средств языковой категоризации эмоций. Анализ примеров показал, что подобную невырази-

мую характеристику получают эмоциональные состояния вне зависимости от их оценочной составляющей:

<...> не верили, знали, что врёт, но в душе опять испытывали невыразимую тоску (А. Варламов).

Так почему же, думаю я снова и снова, почему же нам не пойти прямо к бесконечному и невыразимому счастью, бросив всё остальное? (В. Левин).

Невыразима была моя грусть по прочтении Ликопастовского рассказа (М.А. Булгаков).

Эмоциональная мимикрия преимущественно реализуется в ситуациях, если между коммуникативными партнерами имеется социальная близость. В ситуации отрицательных взаимоотношений с собеседником, как правило, эмоциональная мимикрия не актуализируется. Эмоциональная мимикрия сопоставима с симуляцией и имитацией, когда симуляция оценивается отрицательно, а имитация – положительно или нейтрально. П.-М. Бодоньер выделяет следующие признаки, разграничивающие понятия миметизма и имитации: селективность, самосознание и осознание Другого [Baudonnière, 1998]. Селективность заключается в том, что мимикрия инстинктивна, а имитация интенциональна. Поведение симулянта наглядно отражено в пьесе Мольера. Один из главных героев убежден, что он болен и демонстрирует данное болезненное состояние с использованием вербальных и (пара)невербальных средств. Коммуникативному поведению симулянта свойственно частотное использование восклицательных высказываний, междометий, приемов эмпазы и гиперболизации сообщаемых сведений:

Арган (падает в кресло). Ох-ох-ох! Не могу больше!

Арган. <...> Теперь, чтобы успокоить меня, понадобится не менее десяти лекарств и двадцати промывательных.

Симулянт сосредоточен на собственном физическом состоянии и демонстрирует нетерпимость к внешним обстоятельствам, отвлекающим его от описания своей болезни:

Арган. Не ори, дрянь ты такая! У меня сделается сотрясение мозга! Тебе мало заботы, что с больными так громко не разговаривают.

Симулянт избирателен; болезненное состояние соответствует уровню формы, когда на внутреннем смысловом уровне потребность быть здоровым уступает эстетическим (гедонистическим) потребностям:

Гуанетта. Сударь, это только растревожит вас, а ведь вас никак нельзя, волновать в таком состоянии: всякое сотрясение вредно для вашего мозга.

Арган. Нисколько, нисколько: я люблю музыку, и я буду очень рад... А, вот и она! (Гуанетте.) Поди узнай, оделась ли моя жена.

Успешность эмотивной симуляции будет зависеть от статуса эмотива. Аффективы проще поддаются симуляции; симулятивный аффектив превращается в элемент фатической коммуникации и теряет свою эмоционально-оценочную составляющую. Примерами адаптированных (т.е. графически оформленных русскоязычными коммуникантами кириллицей, а не латиницей) эмотивных симулякров могут служить иноязычные аффективы:

*Как папа? **Вандерфул!** Ковыляет на одной ноге, но по-прежнему бодрый* (А. Хайт).

*– Я чувствую себя прекрасно. **Риали вандерфул!** А я в эту минуту чувствовал себя ужасно* (С. Довлатов).

*– Надья! **Ит'з бьютифл, ит'з вандерфул!** У меня нет слов!* (С. Довлатов).

*Не стоит повторять, что когда наши французские братья начали нас посещать – они не способны были ничего другого сказать, как «**фантастик**», «**мервейэ**», «**энкруайябль**» и т.п.* (Г. Орлов).

*– **Риали?** – удивлялся он фразе каждого из собеседников. И немедленно восхищался. – **Фантастик!** Страсть к чужим словам у меня началась с китайского языка* (Р. Арифджанов).

Человек стремится к экспликации социально поощряемых эмоциональных реакций [Ионова, 2023]. При использовании говорящим диминутивов от номинаций эмоций для характеристики эмоционального переживания основная функция данных диминутивов игровая. Диминутивная форма эмотива интенциональна: это не вербальная реакция говорящего на стимул, каузирующий эмоциональный отклик, а намеренное речевое действие говорящего, которое не направлено на выражение эмоций. Микроэмоции соответствуют тенденции современных коммуникативных практик к замене искренних эмоциональных переживаний на их симулякры.

Но мы будем стараться, чтобы весь мир нас услышал. А если не получится – большой печальки не будет, но огорчение придет (<https://serp.mk.ru/culture/2020/05/15/muzykanty-iz-serpukhova-i-protvino-dayut-ustanovku-napozitiv.html>).

Дибров – это вообще печалька, какая-то зануда! Верните душечку Васильева, ну или Цискаридзе (https://aif.ru/culture/showbiz/vernite_dushechku_vasileva_zritel_i_o_dibrove_v_modnom_prigovore).

– Вообще печалька, я сама в шоке, – вздыхает Ольга. – После чемпионата России мы начали задумываться о том, не стоит ли попробовать себя в командной гонке? (<https://www.kp.ru/daily/26189.7/3077305/>).

Популяризация диминутива *печалька*, обозначающего эмоциональное переживание, приводит к появлению аналогичных лексических образований (дериваций креативных паззлов, по В.И. Шаховскому [2022]) в соответствии с продуктивной моделью (ниже приводятся примеры популярных мемов):

*Печалька? Ну и что! Не смертелька же.
Ревновашки – всегда печалька (Сократик).
Печалька. Тоска. Грусть. Обидка.
У кого-то печалька а у меня пофигулька.
Страдашки всегда печалька.
Блокнытик. Жесть. Тоска. Печалька.*

Актуализация в коммуникации неоценочной эмоции удивления, сопровождающейся оценочными номинациями эмоций, выполняет ряд функций. К примеру, функция «коммуникативного поглаживания», что выражается в попытке говорящего снизить степень эмоциональности своего сообщения, когда препозитивная неоценочная эмоция выступает симулятивной.

В пятой главе «Жанровая специфика диффузной эмотивности» рассмотрена репрезентация диффузной эмотивности в дискурсивных пространствах художественной, интернет и устной коммуникации, что позволило сформулировать предположение о возможности систематизации проявлений диффузной эмотивности в трех условных плоскостях дискурсивных пространств – намеренной имитации, ненамеренной имитации, симуляции.

Поэтическому тексту свойственна высокая концентрация смысла. В поэтическом подкорпусе номинации диффузных чувств наделяются особыми характеристиками (*изношенные, усталые, бессмертные, убитые, бездонные, странные, великаны*):

Ласточка, ласточка, дай молока, Дай молока четыре глотка – Для холодного тела, Для тяжелого сердца, Для тоскующей мысли, Для убитого чувства.

Ласточка, ласточка, матерью будь, Матерью будь, не жалея свою грудь Для родимого тела, Для ранимого сердца, Для негаснущей мысли, Для бездонного чувства (Ю.П. Мориц).

Словосочетания *вяжущие чувства, сладкие чувства* обнаруживают одну из интересных граней диффузной эмотивности – синестезию эмотивных номинаций. Синестезия несет в себе конструктивный действенный потенциал, становясь примером укрупнения форм перцепции и ее экспликации:

Эти вот пустые руки, слезы И мяконькие вяжущие чувства, Какие я привык таскать по городу, Я приношу тебе, Венера, на-ка, Их складываю на померкшей травке: Бери и ешь! (М.М. Степанова).

Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства, Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных (Н.И. Гнедич).

Проникновение диффузной эмотивности в прозаический корпус текстов выражается в номинациях *смешанных, противоположных, неиспытанных, разнообразных, смутных чувств*. Определенное «размывание» эмотивного содержания номинаций и дескрипций эмоциональных пережи-

ваний выражается в использовании гиперонимических кластеров вместо гипонимических видовых элементов данных «пучков». Например, в корпусе примеров актуализируются кластеры следующих эмоциональных состояний/переживаний – грусть, радость, злость, мучение, неприязнь, обида, отчаяние, ревность, тревога, ужас, любовь:

Не будет он иметь против меня злого чувства? (Л.Н. Толстой).

Я не говорю про себя, но домашние примут вас с той радостью, которая остается за вычетом неприятного чувства – приезда союзника мне, с которым все воюют, хотя я давно сложил оружие (Л.Н. Толстой).

В рассмотренном драматическом произведении («*Не слушай мамин плач*» Л. Беймон) диффузная эмотивность представляется как норма, естественное состояние эмоциональной жизни людей. Диффузные эмотивы не ограничены ни формой их экспликации, ни количеством составляющих элементов внутри сложного эмотивного композита, состоящего из нескольких имен эмоциональных переживаний (*Помимо изумления, даже разочарования, лицо Кэрл выражало неприкрытую враждебность* / Л. Беймон). Использование соматических метафор необходимо для точного (или приближенного к точному) описания эмоциональных переживаний (*Гнев в его голосе мешался с покорностью судьбе; Доктор окаменел от страха, ноги стали ватными, так что пришлось прислониться к стене* / Л. Беймон). Диффузная эмотивность позволяет эксплицировать внутренний мир человека, поскольку переживание эмоции всегда комплексно, эмоциональное реагирование разнооценочно, отличается интенсивностью и степенью выраженности признака (*Но ты выглядела ужасно потерянной и напуганной, а когда поняла, кто я, твое отвращение превзошло все мои ожидания. Я жаждал не жалости, но ненависти, а потом не открывал правды* / Л. Беймон).

В пьесе «Экспонаты» Вячеслава Дурненкова наблюдение за особенностями эмотивного наполнения показало высокую концентрацию активных (интенсивных) эмоций, которые частотно вербализуются в форме аффективов. Использование инвективной лексики становится одной из общих характеристик лексического оформления анализируемых текстов пьес; упрощение затрагивает и языковой уровень: на лексическом уровне предпочтение отдается бытовой стилистически сниженной лексике (как разговорной, так и вульгарной):

(...)

ЮРА. Она работник музея, за прилавком ей стоять нечего. Когда меня нет дома, ты автоматически становишься моим заместителем. И на этом все.

МИША. Завтра экскурсии не будет, а мне там стрёмно торчать. Что я, барыга, что ли?

ЮРА. А кто ты?

МИША (расправляя плечи). Я жених.

(...)

КЛИМ. Я тут за всеми присмотрю. Я ни тебя, ни Ромку в обиду не дам. Со мной, как за пазухой.

ГЕНА. Защитник хренов.

КЛИМ. Я, наверное, здесь останусь. Не могу я больше там жить. Не жизнь это. Пробовал, но никак не получается. Так что такие дела. Короче, я вернулся. Теперь заживем (В. Дурненков).

Если в драматическом прозаическом произведении автор «беспокоится» о качестве эмотивной реализации текста, направляет усилия на выражение сложных эмоциональных переживаний персонажей, тем самым создает комплексный образ персонажей, то в пьесе акцент ставится на грубой «силе эмоций». Персонажи ведут себя немотивированно агрессивно, их реакции на низкоинтенсивный стимул избыточно активны, образ персонажей упрощен по принципу предоставления «простым» героям из числа жителей провинциального города «простого» языка.

В отличие от дискурсивного художественного пространства, интернет-коммуникация остается более упрощенной, что выражается в особенностях экспликации эмоциональных переживаний. Сверхэмоционализация интернет-общения подтверждается высокой долей используемых пользователями эмодиконов и их вариаций, подменяющих собственно вербальное общение, появлением самостоятельных жанров, которым свойственны актуализация и индуцирование желаемых эмоций у адресата, превращение эмоций в жанрообразующие факторы, избыточная, неуместная (сообразно с коммуникативной ситуацией) эмоционализация общения. Пространство интернет-коммуникации гипертрофирует форму эмоционального реагирования пользователей. Наряду с принципиально положительными комментариями встречаются отрицательные, которые могут становиться составной частью речевого жанра флейминга. Флейминг – жанр интернет-коммуникации, в котором говорящий проявляет активную речевую агрессию без определенной цели (спор ради спора); важным условием остается провокация собеседника и последующее отрицательно-оценочное деструктивное коммуникативное взаимодействие [Моисеева, Титлова, 2022]. Например, видеозапись мотивационного характера сопровождается комментариями, непосредственно не связанными с темой видеосообщения:

– А ты мудрый человек, наверное еще и зарплата 30к в месяц, жизнь вообще не видел. Тебе вообще рот нельзя открывать и писать. Даже по твоему тексту понятно, что ты неудачник, который пытался сейчас оправдать свою бедную жизнь¹.

(...)

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены.

– *Какие ты можешь дать советы... Где купить хлеб дешевле или как выживать на маленькую зарплату?*

– *Твои проекции мне не интересны) и судя по тому, что ты общаешься, это действительно так) на видео просто обычная база и этого достаточно, для того чтобы стать успешным) удачи прибывать во влажных мечтах).*

Провоцирование адресата субъектом флейминга осуществляется с помощью речевых актов запрета, предписания, прямых и косвенных побуждений, отрицательно-оценочных суждений, манипулятивных приемов воздействующей коммуникации. Ответные реплики указывают на «заражение» партнера деструктивной отрицательной тональностью общения, но значительного развития конфликтная ситуация не получает, что указывает на ее искусственный характер. Для флейминга характерна высокая скорость распространения отрицательной эмоциональной тональности интеракции, а стимулом может быть абсолютно любое сообщение:

Ага... Ну тогда и времена были получше.. (Ковид не в счёт)

Писать научись (смеющийся смайлик)

В каком месте у меня ошибки??

А какое тебе дело, дружок

(...)

А тебе как я разница, тебя это волнует

(...)

иди н.

Проведенный анализ особенностей речевого жанра обзора позволил выделить высокий уровень симулятивности эксплицируемых эмоциональных переживаний, что выражается в выборе диминутивных форм (*закупились очень хорошенько на «Озоне»; такого вот чего-то приколенького; конечно, будут вкусняшки наши с вами любимые и немножко одежды*). Контакт с потенциальной аудиторией принципиально важен, поскольку жанр обзора относится к развлекательным, подражает телевизионным передачам, где ведущий контролирует и направляет внимание адресата. Это намерение говорящего выражается в использовании контактоустанавливающих реплик, советах, риторических вопросах, условных предложениях (*Очень, да, хорошенькие? Может быть, в тгшке с вами поделюсь; Если хотим порадовать себя вот такой блестяшкой; Здесь такая базка*). Вне зависимости от типа товара автор реализует неизменную модель коммуникативного поведения, использует положительно-оценочные атрибуты для указания на преимущества продукта (*К вкусняшкам нужен чай; Если у вас есть денюжка, если вы покупаете себе надолго держатель для полотенец; Но это моя вторая баночка; Всякие приколдесики; Но приятно, кофеёк*). Обращает на себя внимание избыточная гипербо-

лизация демонстрируемого положительного эмоционального отношения, что соответствует идентификационному критерию симуляции, при котором признак (симптом) получает крайне высокую степень выраженности.

Специфика репрезентации диффузной эмотивности в устной коммуникации наблюдалась на материале корпуса устной речи НКРЯ, состоящего из текстовых расшифровок записей публичной и бытовой повседневной устной речи и включающего около 15 млн. слов. В качестве подкорпуса целенаправленная выборка ограничена следующими типами текстов: спор, ссора, беседа, разговор (праздничный разговор, разговор о выходных, о каникулах, на прогулке, домашние разговоры, разговор друзей и пр.). Число словосочетаний *положительные эмоции* и *отрицательные эмоции* в корпусе устной речи примерно равно. Выявлен ряд показательных для изучения специфики диффузной эмотивности примеров.

И поэтому / ну я не знаю / конечно / когда я вижу / что люди сознательно э-э гробят общие достижения / конечно / мне печально / и вызывает это во мне не только печаль / но и какую-то там злость / иногда ярость / какие-то такие большие эмоции (Беседа с журналистом Станиславом Кулибиным).

Прием генерализации для репрезентации диффузной эмотивности эффективен, поскольку позволяет говорящему эксплицировать доминанту эмоционального переживания и оставить неконкретизированным интерпретативное поле:

У меня неприятное чувство до сих пор осталось (Праздные разговоры, Валя, 2006).

Вот я/ короче/ раздражаюсь – это не-негативная эмоция (Разговор по Skype о прошедшем дне, Екатерина Дмитриевна П., 2020).

Народ так расслабился/ получил поло от меня положительные эмоции/ сразу ко мне расположился/ и дальше всё идёт по накатанной/ уже как бы без конфликтов (Случаи из нотариальной практики, Ирина Анатольевна Р., 2022).

Наблюдаются рекуррентные случаи интенсификации эксплицируемого диффузного эмоционального переживания:

Мне кажется пацаны... ну / чаще так говорят / что пацаны не могут сказать «Я тебя люблю» потому что они считают / что это прям самое такое высокое чувство / а «Я тебя обожаю» / это запросто могут там вот в SMSках написать / просто / «О / я тебя обожаю!» (Праздничный разговор, Светлана, 2006).

Но мне как/ мне с ним...ну прям очень дружеские чувства/ прям такие очень (Разговор о выходных, Наташа, 2014).

К неопределенным конкретизаторам диффузной эмотивности можно отнести прилагательные *непередаваемый, необъяснимый*:

Я очень благодарна людям/ которые со мной там/ которые создают/ в принципе/ эту копилку/ потому что это непередаваемые эмоции/ и я прям могу точно сказать/ что я люблю этих людей (Разговор подруг о жизни в маленьком и большом городе (Аурелия М., 2009).

Тетя: Да нет / это надо испытать.

Таня: Спасибо.

Тетя: Это необъяснимое чувство. [нрзб] Вот она когда в прошлый раз / в прошлом году делала / она там долго была / и все там долго были (Домашние разговоры, 2006).

Пространство устной коммуникации предполагает максимально вербализуемую синхронность эмоционального переживания и его языковой объективации, что приводит к упрощению плана выражения для эмоции. Однако общая тенденция к выходу за пределы языковой конвенции при поиске средств репрезентации эмоциональных переживаний сохраняется.

В **Заключении** диссертации сформулированы итоги исследования, изложены его основные выводы, а также обозначены дальнейшие перспективы, которые состоят в инвентаризации и анализе иных форм проявления диффузной эмотивности, поскольку выделенные формы имплицитной диффузной эмотивности (партисипативные, неэксплицируемые (но выражаемые), симулируемые эмотивы) не имеют ни прескриптивного, ни лимитирующего характера. Интересно исследование дискурсивного потенциала эмоций, когда эмоциональные переживания не просто мотивируют деятельность говорящего по опредмечиванию действительности, но и формируют особое эмоциональное пространство (например, дискурсы ярости, ненависти, отвращения и пр.). Отдельной задачей исследования представляется поиск и реализация прикладных аспектов коммуникативной репрезентации диффузной эмотивности, например, мониторинг социальных сетей для определения комплекса доминантных эмоциональных переживаний пользователей и предотвращения возможных депрессивных состояний, определения групп риска подростков, разработка механизмов идентификации намеренно или неинтенционально скрытых эмоциональных переживаний.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монография

1. Штеба, А.А. Коммуникативное пространство диффузной эмотивности: монография / А.А. Штеба. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2025. – 274 с. (15,9 п.л.). Тираж 500 экз.

Статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

2. Штеба, А.А. Деформация языковой личности / А.А. Штеба // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2014. – № 3. – С. 41-46 (0,5 п.л.).

3. Штеба, А.А. Смешанная эмоция и ее функционально-семантический потенциал (на примере номинации «нелюбовь») / А.А. Штеба // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: – Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 72-80 (0,5 п.л.).

4. Штеба, А.А. Соотношение понятий деэмоционализации речи и эмоциональной мимикрии / А.А. Штеба // Филологический аспект. – 2016. – № 2. – С. 40-44 (0,3 п.л.).

5. Штеба, А.А. Эмотивная ионизация семантики слова / А.А. Штеба // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 2 (56). – С. 278-285 (0,5 п.л.).

6. Штеба, А.А. Интериоризованные и экстериоризованные смешанные эмоции / А.А. Штеба // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (137). – С. 126-129 (0,4 п.л.).

7. Штеба, А.А. Аутопоэзис эмоций / А.А. Штеба // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019. – № 55. – С. 117-128 (0,4 п.л.).

8. Ионова, С.В., Штеба, А.А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания / С.В. Ионова, А.А. Штеба // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 2 (40). – С. 63-81 (0,7 п.л., доля авторского участия 0,3 п.л.).

9. Штеба, А.А. Фрагментация и регенерация эмоций / А.А. Штеба // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2019. – № 5. – С. 12-16 (0,4 п.л.).

10. Штеба, А.А. Когнитивная сложность языковой категоризации смешанных эмоций / А.А. Штеба // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 10 (153). – С. 147-150 (0,3 п.л.).

11. Штеба, А.А. Молчаливое мышление / А.А. Штеба // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020. – № 61. – С. 221-233 (0,4 п.л.).

12. Штеба, А.А. Дипластия языковой категоризации смешанных эмоций / А.А. Штеба // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 3 (22). – С. 176-181 (0,4 п.л.).

13. Штеба, А.А. Проблема «неточных слов» (на примере смешанных эмоций) / А.А. Штеба // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 2 (25). – С. 100-106 (0,4 п.л.).

14. Штеба, А.А. Энергонапряженность слова (на примере смешанных эмоций) / А.А. Штеба // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 1 (40). – С. 29-34 (0,4 п.л.).
15. Штеба, А.А. Поли(э)мотивность нуля / А.А. Штеба // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2 (45). – С. 275-286 (0,4 п.л.).
16. Штеба, А.А. Языковая категоризация смешанных эмоций в аспекте принципа Поллианны / А.А. Штеба // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 187-196 (0,5 п.л.).
17. Штеба, А.А. Проблема определения оценочной доминанты смешанной эмоции / А.А. Штеба // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 2 (29). – С. 159-165 (0,4 п.л.).
18. Штеба, А.А. Континуум неопределенных эмоций / А.А. Штеба // СибСкрипт. – 2023. – Т. 25. – № 1 (95). – С. 111-118 (0,4 п.л.).
19. Штеба, А.А. «Возможные миры» оценки: к проблеме эмотивной коммуникации / А.А. Штеба // Верхневолжский филологический вестник. – 2024. – № 3 (38). – С. 145-151 (0,4 п.л.).
20. Штеба, А.А., Никодимова, А.Д. «Ноль эмоций» в коммуникативном пространстве диффузной эмотивности / А.А. Штеба, А.Д. Никодимова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Т. 11. – № 4. – С. 166-176 (0,7 п.л., доля авторского участия 0,3 п.л.).
21. Штеба, А.А. Коммуникативная репрезентация безразличия (на примере словосочетания «ноль эмоций») / А.А. Штеба // Верхневолжский филологический вестник. – 2025. – № 4 (43). – С. 143-150 (0,4 п.л.).

*Публикации в научных журналах, сборниках научных трудов
и в сборниках материалов научных конференций*

22. Штеба, А.А. Лингвоэкологический абсолют смешанных эмоций / А.А. Штеба // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2 (3). – С. 172-178 (0,3 п.л.).
23. Штеба, А.А. Эмотивная полифония семантики / А.А. Штеба // Экология языка. VIII Международная научная конференция / под ред. Е.Н. Сердобинцевой. – Пенза, 2015. – С. 20-24 (0,2 п.л.).
24. Штеба, А.А. Элементы эмотивного анализа при проведении психолого-лингвистической судебной экспертизы / А.А. Штеба // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы V-ой Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 86-90 (0,2 п.л.).
25. Штеба, А.А. Рождение эмотива / А.А. Штеба // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XV-й Международной научной конференции. – Ульяновск, 2015. – С. 72-74 (0,1 п.л.).

26. Штеба, А.А. Соотношение понятий деэмоционализации речи и эмоциональной мимикрии / А.А. Штеба // Филологический аспект. – 2016. – № 2. – С. 40-44 (0,3 п.л.).
27. Штеба, А.А. Интержанровость как форма речевого манипулирования / А.А. Штеба // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. – 2016. – С. 77-81 (0,3 п.л.).
28. Штеба, А.А. Эмоционально-смысловой хаос восприятия внутреннего мира / А.А. Штеба // Экология языка. Сборник статей X Международной научной конференции / под ред. Е.Н. Сердобинцевой. – Пенза, 2017. – С. 75-78 (0,2 п.л.).
29. Штеба, А.А. Лингвистические признаки провокации / А.А. Штеба // Litera. – 2017. – № 1. – С. 120-128 (0,4 п.л.).
30. Штеба, А.А. Смешанные эмоции как нечеткое множество / А.А. Штеба // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XIII Березинских чтений / под ред. В.А. Пищальниковой. – Москва, 2017. – С. 65-68 (0,2 п.л.).
31. Штеба, А.А. Смысловая полифуркация слова / А.А. Штеба // Коммуникативное пространство культуры: материалы Международной научной конференции в Орловском государственном институте культуры. Отв. ред. А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов. – Орел, 2017. – С. 115-122 (0,4 п.л.).
32. Штеба, А.А. «Актерская игра» или эмоциональная мимикрия в коммуникации / А.А. Штеба // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 1 (12). – С. 72-78 (0,4 п.л.).
33. Штеба, А.А. Обертоны языковой категоризации эмоций / А.А. Штеба // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы международной конференции. ФГБУ ИЯ РАН. – Москва, 2018. – С. 173-181 (0,4 п.л.).
34. Штеба, А.А. Эстетика ошибок: пунктуационно-орфографический аспект / А.А. Штеба // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 3 (14). – С. 10-19 (0,3 п.л.).
35. Штеба, А.А. Эмотивность нуля / А.А. Штеба // Языковое бытие человека и этноса: материалы XV Березинских чтений. Москва, 2018. – С. 233-238 (0,3 п.л.).
36. Штеба, А.А. Феномен эмотивной невыразимости (на примере языковой категоризации смешанных эмоций) / А.А. Штеба // Art Logos. – 2020. – № 3 (12). – С. 162-169 (0,3 п.л.).
37. Штеба, А.А., Никодимова, А.Д. Упорядоченный хаос (на примере анализа языковой категоризации смешанных эмоций) / А.А. Штеба, А.Д. Никодимова // Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2019. – С. 123-127 (0,3 п.л., доля авторского участия 0,2 п.л.).

38. Штеба, А.А. Смысловый потенциал понятия «intelligence aveugle» Э. Морена / А.А. Штеба // Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация. Сборник материалов участников международной научной онлайн-конференции / Сост. Д.Ю. Гулинов, Н.В. Титаренко, А.А. Штеба. – Волгоград, 2020. – С. 146-150 (0,2 п.л.).
39. Штеба, А.А. Язык эмоций (на примере коммуникативного поля обиды) / А.А. Штеба // New World. New Language. New Thinking: материалы III ежегодной международной научной-практической конференции. – Москва, 2020. – С. 163-169 (0,3 п.л.).
40. Штеба, А.А., Никодимова, А.Д. Затрудненность языковой экспликации смешанных эмоций в аспекте алекситимии / А.А. Штеба, А.Д. Никодимова // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов IV международной научно-практической конференции. – Москва, 2021. – С. 165-170 (0,3 п.л., доля авторского участия 0,2 п.л.).
41. Штеба, А.А. Нулевая степень слова / А.А. Штеба // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов V международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). – Москва, 2022. – С. 107-111 (0,3 п.л.).
42. Штеба, А.А. Энергично-смысловый потенциал слова / А.А. Штеба // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации. Материалы Третьей международной научно-практической конференции. Редколлегия: Л.Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2022. – С. 325-330 (0,3 п.л.).
43. Штеба, А.А., Никодимова, А.Д. Неопределенная эмотивность: языковая категоризация микроэмоций / А.А. Штеба, А.Д. Никодимова // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2023. – № 2 (2). – С. 36-43 (0,5 п.л., доля авторского участия 0,2 п.л.).
44. Штеба, А.А., Никодимова, А.Д. Недостаточные эмоции в парадигме языковой категоризации эмоций / А.А. Штеба, А.Д. Никодимова // Этнопсихоллингвистика. – 2023. – № 3 (14). – С. 58-74 (0,6 п.л., доля авторского участия 0,5 п.л.).
45. Штеба, А.А., Никодимова, А.Д. Проблема языковой категоризации сложных эмотивов / А.А. Штеба, А.Д. Никодимова // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов VI международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). – Москва, 2023. – С. 109-114 (0,3 п.л., доля авторского участия 0,2 п.л.).
46. Штеба, А.А. Репрезентация смешанных эмоций и их перевод / А.А. Штеба // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2024. – № 2 (6). – С. 59-67 (0,4 п.л.).

47. Штеба, А.А. Эмотивность в аспекте нечетких множеств / А.А. Штеба // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2024. – № 4 (8). – С. 170-177 (0,4 п.л.).

48. Штеба, А.А., Никодимова, А.Д. Нечеткая эмотивность в переводческом аспекте / А.А. Штеба, А.Д. Никодимова // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов VII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). – Москва, 2024. – С. 751-754 (0,2 п.л., доля авторского участия 0,1 п.л.).

49. Штеба, А.А. Эмоциональный аспект урбанистического дискурса / А.А. Штеба // Эмоции, текст, дискурс: актуальные лингвистические аспекты. Сборник научных трудов, посвященных юбилею профессора Светланы Валентиновны Ионовой. – Москва, 2025. – С. 70-81 (0,4 п.л.).

50. Штеба, А.А., Никодимова, А.Д. Нечеткость как ингерентное свойство эмотивности / А.А. Штеба, А.Д. Никодимова // Новый мир. Новый язык. новое мышление. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). – Москва, 2025. – С. 90-94 (0,2 п.л., доля авторского участия 0,1 п.л.).

ШТЕБА Алексей Андреевич

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИФFUЗНОЙ ЭМОТИВНОСТИ
В РАЗНОЖАНРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 23.03.26. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,4. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27